

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Рецензия на кн.: Александр Ахиезер, Игорь Клямкин, Игорь Яковенко. История России: конец или новое начало?

№ 7 2006

Переломные события в жизни народа всегда приводят к пересмотру его истории. История естественно "подстраивается" под ее "итог", который заставляет по-новому взглянуть на прошлое, ища в нем то, что привело к этому "итогу". Но история продолжается, и любой итог в ней - промежуточен. Поэтому она переписывается вновь и вновь.

Падение СССР произошло так быстро, сознание победителей 1991 г. было настолько противоречиво и смутно, а демократическая эйфория конца 80-х - начала 90-х длилась так недолго, что для оптимистически либерального пересмотра русской истории под углом зрения "запоздалого, но неизбежного триумфа демократии и рынка" не было ни времени, ни интеллектуальных сил. Новый серьезный либеральный пересмотр российской истории происходит в иной общественной ситуации, когда, как считают авторы книги, стало очевидно, что очередная русская попытка создать правовое демократическое общество успехом не увенчалась.

Книга А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко - "героическая" попытка просмотреть российскую историю "от Рюрика до Путина" под углом зрения этой неудачи. Авторы показывают, что проявившиеся в постсоветскую эпоху черты российского общества - его слабая способность к самоорганизации, не позволившая использовать открывшиеся в конце 80-х гг. возможности общественного самоуправления, низкое правовое сознание, готовность видеть в любой власти "меньшее зло" по сравнению с неизбежно превращающейся у нас в анархию свободой, одним словом, все то, что привело к быстрому авторитарному перерождению постсоветского государства, - отнюдь не просто последствия коммунистического тоталитаризма. Это - черты, сформировавшиеся в древности, "константы" нашего национального характера, и сам коммунистический период нашей истории - не случайная "катастрофа", на последствия которой можно списывать последующие неудачи русской демократии, а если не "закономерный", то "естественный", вероятный этап нашего развития.

С точки зрения авторов, неудача попытки создать правовое государство после падения СССР -это не первая "неудача" такого рода. Они показывают слабость правовых, договорных начал еще в обществе домонгольской Руси и показывают неправоподобный характер возникшего в послемонгольский период централизованного государства, которое воспринималось как "вотчина" великого князя, где все подданные были его "холопами", для описания отношений которых к власти авторы удачно используют советскую формулу "беззаветного служения. Русское общество не смогло создать правовую систему ограничения верховной власти в условиях, возникших после Смутного времени и при избрании Романовых. Его "выборочная" европеизация при Петре одновременно консервировала и придала новый импульс самодержавию и системе всеобщего закрепощения. Оно не смогло перейти к правовому демократическому государству и в период падения русского самодержавия, когда страна погрузилась в анархию, и вышла из нее с помощью большевиков, чья "ультрапрогрессистская" идеология объективно послужила инструментом для воссоздания древних, "досовременных" форм русской жизни. В смягченной форме возвращение к традиционным для России формам общественной жизни под прикрытием модернистской и прогрессистской идеологии происходит и в постсоветский период нашего развития.

Авторы, однако, не видят русскую историю лишь как движение по замкнутому кругу в цикле авторитарных мобилизаций, приводящих к военным и внешнеполитическим успехам, периодов погружения в анархию при падении традиционной верховной власти и новых авторитарных мобилизаций. Общество развивалось, реагируя на вызовы со стороны более динамичных и обогнавших его в своем развитии западных обществ. И хотя заимствование западных форм жизни никогда не приводило к переносу на русскую почву самой основы западного общества - его правового характера, - сейчас мы неизмеримо ближе к правовому государству, чем раньше. Уже нет колоссального слоя традиционного крестьянства с его "доправовой" и "догосударственной" общинной психологией. Какие-то представления о законе, о легитимности лишь выбранной власти достаточно укоренились. Нет сколь-либо жизнеспособных идеологий, альтернативных идеям демократии и правового государства. Современная "авторитаризация" не имеет ясного идейного обоснования (поэтому она вынуждена прикрывать-

ся правовыми демократическими формами), она происходит в обществе, не готовом к демократии, но и не способном уже на авторитарную мобилизацию. В современных условиях невозможна и имперская экспансия, которая могла бы вновь скрепить общество на основе авторитарной мобилизации. Сейчас - временная стабилизация общества в традиционных для него формах, но впереди - новая попытка создания правового государства.

То, что книгу, дающую целостную картину российской истории под углом зрения принципиальных отличий русского и западного обществ, написали не историки-профессионалы, совершенно естественно. Профессиональные историки - всегда историки какого-то ограниченного периода, и им психологически трудно не только предпринять общее осмысление русской истории, но и "залезть", скажем, из XVIII в. в XVII. Историки-специалисты, несомненно, заметят в книге массу неточностей, но, с другой стороны, именно "дилетантизм" позволяет авторам заметить в истории то, что трудно заметить профессионалам. Творческий "дилетантизм" оплодотворяет науку, и я уверен, что многие идеи авторов станут основой для вполне профессиональных исторических монографий, как их развивающих, так и их опровергающих.

Я не могу заниматься разбором всех идей, которые содержатся в этой богатой мыслями книге, и хочу остановиться в данной рецензии лишь на нескольких методологических проблемах. Это: 1) проблема российской уникальности, 2) проблема сравнительного анализа, необходимого для выявления этой уникальности и 3) проблема исторических "развилок" и выявления в истории того, что закономерно для русского общества, и того, что обусловлено случайными обстоятельствами.

1. Авторы пытаются выявить уникальность русской истории, в которой отражается уникальность русского народа и его культуры и, как мне кажется, несколько эту уникальность преувеличивают.

Выявление уникальности - задача любого исторического труда. Но естественное увлечение исследователя уникальностью своего объекта всегда сопряжено с опасностью преувеличения этой уникальности. Тем более она велика, когда объект твоих размышлений и переживаний - ты сам, непосредственно переживающий собственную уникальность. Или те исторические общности - народ, религия, к которым индивид принадлежит. При этом если люди чаще всего понимают, что так прямо и сказать о себе - "умом меня вам не понять, чужим аршином меня не измерить, у меня - особенная статья, в меня можно только верить" - смешно, то то же самое высказывание о своем народе считается даже глубоким. Мы всегда - "не такие, как все". Это преувеличение уникальности своей страны чаще всего бывает националистически бахвальским ("ни один народ в мире не перенес столько страданий!; ни один народ не дал миру столько..."), но бывает и антинационалистически-самоуничижительным ("мы созданы для того, чтобы служить дурным примером остальному человечеству").

Уникальность русской культуры и русской истории не может вызывать никаких сомнений. Это - аксиома. Но уникальны любой народ и любая культура. И любая уникальность не может быть сведена к какому-то набору неуникальных характеристик. В ней всегда есть то, чего "умом не понять". Наша уникальность - аксиома, но в ней нет не только ничего уникального, но даже ничего особенного.

Уникальны все. Но как есть люди, очень "бросающиеся в глаза", "заметные в толпе", так есть народы, культура и история которых — очень своеобразны, представляют собой крайне редкое сочетание каких-то черт (например, еврей). В русской культуре и истории найти такие особенные, бросающиеся в глаза и нигде не встречающиеся черты, по-моему, трудно. Нет ничего особенного ни в создании великой империи (сколько их создавалось!), ни в ее распаде (сколько их распадалось!), ни в нашей самодержавной традиции (у турок - что, иная?) и т.д. и т.п.

Если нашу Октябрьскую революцию и возникшую из нее коммунистическую систему еще можно считать чем-то оригинальным (хотя у других народов были другие не менее эпохальные события, и

коммунизм был далеко не у нас одних, да и просуществовал он у нас только семьдесят с небольшим лет), то уж в теперешней российской политической системе и в нашей теперешней неудаче при переходе к демократии совсем ничего оригинального нет. Системы личной власти президентов, имитирующие более или менее грубо или, наоборот, более или менее тонко демократические правовые институты, существуют чуть ли не в половине стран мира. Достаточно прочитать газетные сообщения о выборах в Казахстане и Египте, Азербайджане и Венесуэле, чтобы понять, что политические системы этих стран однотипны с нашей. Какие-то уникальные черты в нашей системе, конечно, есть. Но, в конце концов, и каждый муравей в муравейнике все-таки в чем-то уникален и отличен от других. Мы совершили уже две неудачные попытки, но так и не смогли построить демократическое общество. Но сколько таких попыток было в истории, например, каждой латиноамериканской страны! И я думаю, что чувство безнадежности, которое, естественно, возникает сейчас у демократически настроенных русских людей, видящих идеалом развитые общества реальной демократии (это чувство проглядывает в книге) - во много раз меньше, чем чувство безнадежности у тех гаитян (а такие, безусловно, есть), которые мечтают о том, чтобы Гаити стала хотя бы такой, как Доминиканская республика.

Я не хочу сказать, что авторы прямо утверждают, что русская история - какая-то "совсем особенная" и "никто так не страдал, как мы", но получается у них что-то в этом роде. И получается это во многом из-за той "сетки сравнений", которую используют авторы для описания нашей уникальности.

2. Уникальность нельзя свести к какому-то набору неуникальных качеств. Но если мы хотим передать уникальность народа и его истории, мы должны прибегать к терминам, которые относятся не к одному ему, и к "измерениям", которые приложимы не к одному ему. Мы можем пытаться пере-

171

дать уникальность только через систему сравнения, "измерений".

Без этого, просто постулируя некоторые качественные характеристики народа и его истории, мы неизбежно будем представлять как что-то очень своеобразное и уникальное то, что на самом деле отнюдь не уникально. Например, в концепции авторов много места уделяется "догосударственному" и "доправовому" миру русской деревни - основы неправовой русской государственности. Может быть, так и есть. Но где этот мир - государственный? Когда он стал государственным во Франции? И более ли государственная и правовая сербская задруга, чем русский "мир"? И т.д. Для архаического крестьянского сознания характерно жесткое противопоставление "мы" и "они", и авторам представляется чем-то характерно русским долгое сохранение такой замкнутости локальных миров, и то, что драки между деревнями, "стенка на стенку" сохранялись у нас до XX в. Но вот рассказ Г. Д'Аннунцио "Язычники", в котором описывается не ритуализированный бой, а настоящая кровавая битва толпы итальянских крестьян из разных деревень, каждая из которых несет статую "своей" Мадонны. Крестьянское сознание воспринимает царя как "отца", как языческий "тотем", воплощение кровной общности? Но известно, например, что прикосновение к французским королям исцеляло прокаженных, а от прикосновения к русским царям этого, вроде бы, не получалось. Россия при Петре, пишут авторы, оказалась "первой страной...", начавшей заимствовать западные принципы государственного развития. Но своеобразие ее исторической эволюции проявилось... в том, что она приспособливала западные принципы к государственности восточного типа". Особого своеобразия здесь нет, ибо приспособливали "западные принципы к государственности восточного типа" и египетский Мухаммед Али, и турецкие султаны, начиная с Селима Третьего, и вообще - кто только не приспособливал.

Преувеличение нашей уникальности возникает, по-моему, потому, что авторы стремятся выявить русскую специфику, сравнивая Россию с Западом. Это - понятно, ибо главная проблема для авторов - почему у России не получается переход к правовому демократическому государству. Но сравнение незападного общества с западными не может выявить специфики этого общества. Оно может выявить только "незападное" в нем. Сравнение России с Западом даже не так уж интересно, ибо основные отличия - очевидны, бросаются в глаза. В средневековой России не было сословных

корпораций, феодального "договора" вассала и сеньора, монашеских орденов, университетов, и т.д. и т.п. Много чего не было. Но это - не специфически русские черты, а черты вообще стран не западного, не католического мира. Всего это нет и в средневековых Болгарии, Сербии, Румынии, как и мы, принявших христианство от Византии. Если мы, например, хотим выявить специфику организма человека, нам надо сравнивать его не с организмом рыб - здесь отличия слишком очевидны - а с организмом обезьян. Так и для выявления специфики России лучше сравнивать ее не с Англией, а с близкими России странами. Для средневековья это - прежде всего, православные страны. Для Нового времени, когда все

православные страны оказались под турецким владычеством, а Россия стала империей и вступила в этап "догоняющего развития" - с другими странами, где предпринимались попытки модернизации сверху. Петровские реформы на Западе не с чем сравнивать. Но их вполне можно сравнивать с аналогичными турецкими реформами. Отличия России как империи от колониальных империй Англии или Франции - очевидны, но сравнение ее с Австро-Венгрией или Турцией может дать очень много. Современное политическое устройство России бессмысленно сравнивать с устройством современных Франции или США, как и с устройством, например, Саудовской Аравии. Но его вполне можно сравнивать с казахстанским или сирийским.

Если сравнивать Россию с Западом, незападные черты российского общества, в которых нет ничего "особенного" и ничего специфически русского, которые свойственны множеству незападных обществ, начинают представляться уникально русскими. И если видеть в правовом характере общества моральную норму, то и уникально "плохими". А так как человеку трудно смириться с тем, что он - особенно плохой, то утверждение своей "негативной" уникальности легко может перейти в утверждение уникальности "позитивной", фрустрированное западничество - в славянофильство. "Да, мы не можем создать правового государства, но правовое государство для нас - слишком мелко, этот виноград -зеленый". Но если не "центрироваться" на Западе, если сравнивать русскую историю не только с западной, но и с историей других незападных обществ, то мы окажемся скорее "средними". Может быть, несколько менее восприимчивыми к идеям правового государства, чем турки, но более, чем китайцы. А сейчас - значительно хуже Южной Кореи, но значительно лучше Северной. И я думаю, что такой взгляд - более трезвый, реалистичный и менее "неврозогенный".

3. Проблема описания и анализа специфики национальной истории неразрывно связана с проблемой многовариантности истории, разграничения в ней того, что обусловлено устойчивыми характеристиками данного национального организма, и того, что обусловлено просто стечением обстоятельств. Это - задача бесконечно сложная и психологически, и логически и до конца принципиально не реализуемая.

Психологически осознать случайность и самого нашего существования, и основных событий нашей жизни так же трудно, как трудно не преувеличивать собственную индивидуальность. Нам трудно осознать, что само наше существование - результат фантастически случайных обстоятельств, и что даже если забыть об этом и принять наше существование как данность, то ясно, что если бы не абсолютно случайные обстоятельства, у нас была бы, например, другая жена, и мы бы тоже ее любили и ощущали бы нашу связь с ней очень глубокой и сейчас имели бы и любили бы совсем других своих детей. Точно так же психологически трудно сознавать, что само возникновение русских - результат каких-то неизвестных нам древних случайных обстоятельств и что у русских могла бы быть, например, совсем другая религия, и им бы также казалось, что есть глубокая и таинственная связь между

172

их индивидуальностью и, скажем, исламом, как славянофилам представлялось, что есть таинственная связь русских и православия.

И как это трудно психологически, так это трудно логически. Мы включены в бесчисленное количество связей и проходим через бесчисленное количество случайных комбинаций этих связей. Точно оценить их значение невозможно. Рассуждения на тему "что было бы, если бы..." очень легко превращаются в не совсем научную фантастику. "Что было бы, если бы в 1917 г. кто-нибудь убил бы Ленина и Троцкого? А что было бы, если Ленин дожил бы до, скажем, 1930 г.? А если бы Ельцин выбрал в преемники не Путина, а все же Степашина или Аксененко?" И т. д. и т. п. Все это и впрямь несколько смешно, и авторы сознательно отказываются от любых рассуждений типа "что было бы, если бы...", которые представляются им произвольными и недоказуемыми.

Но хотя нельзя увлекаться такими рассуждениями, совсем отказываться от них, мне кажется, тоже нельзя. Если мы хотим приблизиться к пониманию специфики русского исторического пути, мы должны не только сравнивать русскую историю с нерусскими, но и должны пытаться отделить в русской истории русское от случайного. Если вообще отказаться от рассуждений типа "что было бы, если бы", у нас вообще исчезает критерий отличия важных и неважных событий, все они сливаются в единую линию, ведущую от Рюрика напрямик к Путину.

Полный отказ от поисков альтернативных ситуаций, по-моему, не дает авторам увидеть некоторые реальные "движущие силы" российской истории и правильно оценить ее своеобразие. Так, авторы вообще не говорят об альтернативности религиозного выбора православия князем Владимиром. Между тем ясно, что это был действительно "судьбоносный" выбор, выбор "на всю оставшуюся жизнь", ибо отказ от уже принятой религии - события в истории практически не встречающиеся, а выбор католицизма или ислама привел бы к совсем иным Россиям, к совсем иной мировой истории. Фантазировать об этих иных историях не нужно, но понимать, что такие важнейшие для концепции авторов отличия средневековой России от средневекового Запада, как отсутствие прав сословий и правовых ограничений монархической власти, прямо и непосредственно связаны с этим выбором - необходимо. Выбор православия ограничил пространство возможных будущих русских историй, возможных будущих "выборов", он придал аморфному, пластичному организму Руси некоторые определенные черты, которые сохраняются до сих пор. Но это пространство "возможных России" вновь сужается последующими "выборами", исходом последующих альтернативных ситуаций. Например, монгольское завоевание, несомненно, сыграло громадную роль в создании централизованного самодержавного русского государства, и авторы придают монгольскому владычеству громадное значение в формировании характерных черт русской государственности. Но ведь ясно, что монгольское завоевание потому и было "судьбоносным", что это — случайное для русской истории обстоятельство (погиб бы в начале своих походов Чингизхан, история пошла бы иначе), резко изменившее траекторию его развития и вновь ограничившее пространство "возможных России". Его значение неотделимо от его случайности, и оценить его нельзя, не ставя вопрос: "что было бы, если бы...?". Ответ на этот вопрос полностью определяется нашим пониманием природы русского общества домонгольского периода. Оно - очень невелико, и поэтому ответ может быть только очень гипотетичным, но неочевидность ответа не означает бессмысленности вопроса.

На каждом этапе развития сужается диапазон возможных впоследствии России. Но при этом возникают ситуации с большой степенью свободы и ситуации, где степень свободы - очень невелика. Если бы в 988 г. князь Владимир принял католицизм или ислам, вся история пошла бы иначе. Это был выбор, имевший колоссальное историческое значение. По сравнению с ним исход тоже альтернативной ситуации, скажем, 1991 г., имеет неизмеримо меньшее значение. Но он не предопределил теперешнюю путинскую Россию 2005 г. во всех ее чертах. После 1991 г. диапазон возможных в 2005 г. России резко сузился, но все же были какие-то возможности несколько разных вариантов развития (могли быть и несколько лучшие, и несколько худшие варианты). Сейчас мы находимся в стабильной ситуации, и возможности выбора разных траекторий развития очень невелики. Впереди, несомненно, будут ситуации с большим диапазоном выбора. Но Россия (Русь) времен Святослава и Владимира — это ребенок, в котором даже ничего еще особенного не "заложено", и жизнь которого могла принять безграничное число разных форм. Сейчас нас скорее можно сравнить с уже очень немолодым человеком, перед которым осталось не так уж много выборов. И здесь у нас возникает вопрос — а есть ли среди них выбор правового демократического государства?

* * *

Наше сознание устроено так, что прошлое - застывшее, отошедшее в вечность - естественно приобретает в нем характер закономерности, а будущее всегда, наоборот, открыто. И авторы, отказываясь рассуждать об альтернативах прошлого, тем не менее оставляют в будущем свободу выбора.

То, что будущее открыто - несомненно. И логически эта открытость будущего - то же самое, что и многовариантность истории. Но открытость будущего не значит, что оно может быть любым.

Оно ограничено прошлым - предшествующей историей и нашими уже сформировавшимися устойчивыми характеристиками. Так, до принятия православия могли быть практически любые России 2005 г. (и вполне могло быть, что никакой России вообще бы не было). А в 1991 г. у России могли быть очень разные 2005 годы, но в число этих вариантов будущего, например, демократическая Россия или монархическая Россия, я думаю, не входили.

Но диапазон возможных вариантов будущего ограничен не только нашим прошлым, нашей ригидностью. Он ограничен и теми общемировыми тенденциями развития, которым подчинено человечество в целом и все общества. Русь в X в. могла принять не православие, а католицизм или ислам.

173

Но остаться с Перуном и Волосом она также не могла, как ребенок может совершенно по-разному прожить дальнейшую жизнь, но он все равно должен научиться ходить, а затем - писать и читать, а в наше время - и использовать компьютер. Россия, как она сформировалась в послемонгольскую эпоху, была обречена на "догоняющее развитие", которое могло принять разные формы. Но выбора вообще не развиваться - у нее не было, если бы она не развивалась, ее бы просто уже не было. Она не могла не заимствовать технику, не упорядочивать, рационализировать государственное устройство и т.д. и т.п. И в XXI в. она не может не перейти к правовому демократическому строю. В этом аспекте и в это время кончаются и уникальность, и свобода выбора. Этому уже нет альтернативы - единственная альтернатива просто исчезновение.

В 2008 г. реальной демократии в России еще, несомненно, не будет, но в 2050 куда более вероятно, что не будет вообще России, чем то, что она будет продолжать существование в теперешних переходных формах имитационной демократии. Впереди - новая, третья и совершенно неизбежная попытка создания русского демократического правового общества. И книга А. Ахизера, И. Клямкина и И. Яковенко - важная часть интеллектуальной подготовки этой попытки.

Д.Е. Фурман